

ІСТОРИОГРАФІЧНА КЛАСИКА

УДК 39:930.1(477)Максимович«1827»

М.А.МАКСИМОВИЧ

О МАЛОРОССИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

У вступній статті М.Максимовича до етнографічної збірки 1827 р. висвітлюється роль української пісенної традиції в розкритті народного/національного духу, зокрема для розуміння минушини. У світлі уявлень раннього романтизму розглянуто духовне, культурне та мистецько-естетичне призначення народного слова. Обстоюється теза, що пісні й думи репрезентують найрізноманітніші історичні та культурні вияви народного буття.

Ключові слова: романтизм, шеллінгіанство, народництво, українська історіографія, етнографічні практики, народні пісні, думи, Максимович.

Учений-природник і разом науковець-гуманітарій Михайло Максимович увійшов до історії української науки як один із перших та найвідоміших репрезентантів романтичної історіографії перших десятиліть ХІХ ст. Зазвичай його світосприйняття та погляди переважно тлумачать у руслі інтелектуальних впливів тогочасної німецької думки, передусім натурфілософії Фрідріха фон Шеллінга.

У світлі такої філософської візії людський світ сприймався як продукт художньої творчості Божого Провидіння, а будь-який витвір мистецтва – як його мікрокосм. Адже шеллінгіанська натурфілософія спиралася на ідею єдності світу та його мистецько-художнього осягнення. Людина розглядалася як вища мета природи, а метафізичні пошуки народного духу на шляху до свободи тлумачилися як сутність тодішньої науки¹.

Мистецько-естетичні та літературно-художні захоплення молодого М.Максимовича виявилися ще у його практиках ученого-натураліста, в яких простежується відлуння шеллінгіанських уявлень про природу як творчу роботу Духу. Зокрема в одній зі своїх природознавчих студій він схарактеризував природу як (тут і далі у вступній статті курсив наш, якщо не зазначено інше – О.Я.) «храм, повний незліченних виразів думок Художника Всевишнього»². Таке художнє відтворення природничого матеріалу не залишилося поза

¹ Шеллінг Ф. Із праці «Про суть німецької науки» // Мислителі німецького Романтизму / Упор. Л.Рудницький, О.Фешовець. – Івано-Франківськ, 2003. – С.354–355.

² Максимович М. Размышления о природе. – 2-е изд., поправ. и доп. – К., 1847. – С.2.

увагою як сучасників, так і дослідників його творчості. Так, драматург М. Чаєв назвав працю М. Максимовича «Размышления о природе» (Москва, 1833 р.) «поемою про природу»³.

Із такої перспективи міграція природника на поле соціогуманітаристики, точніше словесності, не була доволі несподіваною з огляду на універсалізм на ниві наукових і культурних практик, який нав'язувався шеллінгіанством. Тим паче, що словесність як сфера діяльності перетиналася або включала багато інших соціогуманітарних дисциплін із зародковою на той час інституціоналізацією, як-от філологія, мовознавство, фольклористика, етнографія та ін.

Отож ця освітня, культурна й дослідницька царина містила чимало потенційних можливостей, передусім для молодих інтелектуалів, які орієнтувалися на новітні ідеалістично-романтичні взірці. Недаремно терен словесності дозволяв М. Максимовичу реалізувати своєрідну «мовну концепцію» романтизму, зокрема виявити та продемонструвати мистецько-естетичні, духовно-етичні, комунікативні, етносоціальні й інші властивості та функції мови.

У цьому світлі численні сентенції доволі добре репрезентують світоглядні настанови М. Максимовича, котрі простежуємо у його історичному письмі. «Слово є третій, щонайповніший і, можна сказати, щонайпритаманніший і щонайближчий душі спосіб її вираження, в якому немає односторонності ні образу, ні звуку, але в якому і той, і той злиті у довершену, первородну *єдність і цілісність*» (курсив М. Максимовича – О.Я.)⁴.

У робочих записах до першої лекції 1843 р. в Університеті св. Володимира М. Максимович так характеризував дисципліну, котру викладав: «Словесність (підкреслення М. Максимовича – О.Я.) є сукупність пам'яток, в яких виявляється душа та життя народу, за допомогою мови – усно або письмово»⁵. В іншій лекції він наголошував, що в мові виявляється (підкреслення М. Максимовича – О.Я.) «особистість народу»⁶.

Показові думки М. Максимовича щодо самовираження українського народу, висловлені в «Полемическом обозрении малороссийской словесности»: «*Малоросійський народ здавна виражає своєю мовою свою душу, своє домашнє та суспільнє життя, і залишив у спадок нинішньому століттю, як зразок і в науку новій словесності багатий запас своїх переказів, прислів'їв, казок і пісень*»⁷. Ба більше, автор звертав увагу на історичні виміри побутування «слова» (мови), які вважав визначальними щодо витлумачення української минувшини. «*Така вже історична доля Малоросії, що її своєнародній мові не довелося стати письмовою мовою її, – що головним органом її письмового та книжного висловлення були по черзі церковнослов'янська, західноруська і, врешті, нинішня російська мова, – стверджував М. Максимович*»⁸. Отже мова («слово», «словесність») тлумачилися українським мислителем із позицій шеллінгіанства, зокрема як спосіб виявлення самобутнього народного/національного духу.

³ Чаєв Н. Михаил Александрович Максимович (прочтено в публичном заседании Общества любителей российской словесности 23-го марта 1874 года, посвященном памяти Максимовича) // Русский архив. – 1874. – Кн.2. – Стб.1062.

⁴ Максимович М. Про значення та походження слова // Філософська і соціологічна думка. – 1994. – №1/2. – С.194.

⁵ Максимович М. З первых лекцій 1834 г. [автограф; записи до лекцій із російської словесності 1834, 1843 рр.] // Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського. – Ф.32. – Спр.389. – Арк.26.

⁶ Там само. – Арк.8 зв.

⁷ Максимович М.А. Полемическое обозрение малороссийской словесности [автограф статті; 1860 р.] // Там само. – Ф.1. – Спр.558/1474. – Арк.2 зв.

⁸ Там само. – Арк.5 зв.

Зрештою мовні (літературні, фольклорні, етнографічні) компоненти посідають чільне місце в романтичному світогляді М.Максимовича. Адже, за уявленнями романтиків, «словесна» (пісенна, етнографічна) традиція сягає віддалених часів. Вона виступає як вагомий доказ стародавнього родоvodu народу/нації, зокрема відображає його етногенетичні, ба навіть архетипічні риси, релігійно-культурне, дохристиянське буття.

Власне, реалізація «мовної програми» романтизму й етнографічні студії впродовж 1820–1830-х рр. поступово розкривали перед М.Максимовичем інші виміри народного духу, зокрема пласт незнаной малоросійської минувшини. Афористично говорячи, завдяки «словесним» практикам учений відкрив історію народу як духовної субстанції. Та спершу було слово, точніше – пісенна традиція.

Провідну роль в інтелектуальній метаморфозі М.Максимовича відіграла збірка «Малороссийские песни» (Москва, 1827 р.), завдяки якій він спізнався з М.Гоголем, В.Жуковським, О.Пушкіним та багатьма іншими письменниками, поетами й інтелектуалами⁹. Не випадково думки М.Максимовича про відображення в піснях «народного духу», висловлені в передмові до цього видання, були досить прихильно сприйняті тодішньою освіченою публікою, до якої проникали західні романтичні впливи. Приміром, про ці пасажі молодого автора з симпатією відгукнувся відомий критик С.Шевирьов¹⁰.

Дехто з сучасних дослідників дотримується думки, що ані «Украинские народные песни» (Москва, 1834 р.), ані «Сборник украинских песен» (Київ, 1849 р.), видані М.Максимовичем, так і не змогли зрівнятися з тим феноменальним успіхом, який мала збірка 1827 р.¹¹ Історик Ф.Савченко – учень та особистий секретар М.Грушевського, уважав, що саме «Малороссийские песни» спокусили М.Максимовича перетворитися з «професора-ботаніка на ректора-словесника»¹².

Та побутують й інші погляди. Наприклад, літературознавець В.Данилов більш високо оцінював видання 1834 р. Зокрема він дотримувався думки, що це була перша збірка пісень, в якій систематично відображено культурно-історичне життя України за сорок років до публікації В.Антоновичем та М.Драгомановим «Исторических песен малорусского народа» (Київ, 1874–1875 рр., т.1–2)¹³.

Пізніше дослідники віднайшли чимало огріхів в етнографічних збірках М.Максимовича. Це визнавав і їх укладач. За свідченням М.Костомарова, навесні 1872 р. під час зустрічі у Санкт-Петербурзі «поважний старець» сам зізнався в тому, що в московську добу свого життя (1819–1834 рр.) він був недостатньо знайомий із «духом народної малоруської поезії» та припустився низки помилок¹⁴.

Але як у долі М.Максимовича, так і всього українства збірка 1827 р. мала величезне значення, позаяк саме вона стала каталізатором тієї хвилі етнографічних дослідів,

⁹ *Короткий В., Біленький С.* Михайло Максимович та освітні практики на Правобережній Україні в першій половині XIX ст. – К., 1999. – С.113.

¹⁰ *С.Ш. [Шевирев С.]* Рец. на кн.: Малороссийские песни, изданные М.Максимовичем. – М.: Тип. Августа Семена, 1827. – XXXVI, 234 с. // Московский вестник. – 1827. – Ч.6, №22. – Отд.: Критика. – С.311.

¹¹ *Фризман Л.Г., Лахно С.Н.* М.А.Максимович – літератор. – Х., 2003. – С.99.

¹² *Савченко Ф.* Перший збірник українських пісень Максимовича // Україна. – 1927. – Кн.6. – С.25.

¹³ *Данилов В.* Другий збірник українських пісень М.О.Максимовича з 1834 року // Україна. – 1929. – Кн.37 (жовтень – листопад). – С.22.

¹⁴ *Костомаров Н.* Историческая поэзия и новые ее материалы. Рец. на кн.: Исторические песни малорусского народа, с объяснением В.Антоновича и М.Драгоманова. Том первый // Вестник Европы. – 1874. – №12. – С.628 (прим.1).

з якою, власне, пов'язують початок ери українського романтичного народництва XIX ст.¹⁵ Більше того, із легкої руки автора-упорядника видання 1827 р. в українській науці прижилося означення «думи», ужите щодо кобзарських речитативів¹⁶.

Вплив етнографічних збірок М.Максимовича на формування нового покоління українських інтелектуалів-романтиків був колосальний. За визнанням П.Куліша, саме ці збірки відіграли провідну роль у становленні як його самого, так і М.Костомарова, позаяк обидва спершу були заангажовані літературними й науковими зацікавленнями на російському культурному полі. «Але з обома нами, на двох віддалених точках Малоросії, стався прекрасний випадок. Йому (М.Костомарову – О.Я.) у Харкові потрапила до рук збірка українських народних пісень Максимовича, 1827 року, а я в Новгороді-Сіверському так само випадково став власником іншої збірки українських дум і пісень того ж Максимовича, 1834 року. *Ми обоє в один день із народників великоросів зробилися народниками малоросійськими*», – згадував П.Куліш¹⁷.

Вступна стаття «О малороссийских народных песнях» до збірки «Малороссийские песни» (Москва, 1827 р.), як і більшість розвідок М.Максимовича, має доволі просту архітектоніку. За великим рахунком, ця передмова поділяється на два блоки – вступні уваги про роль пісенної традиції для розуміння й усвідомлення мінливості історичного буття Малоросії/України та утилітарна частина, в якій автор прагне пояснити, як у збірці передаються мовні особливості для російського читацького загалу.

Загалом М.Максимович добре усвідомлював, що його збірка є практично першою студією у царині українських етнографічних практик. Він неодноразово застерігав, що не претендує ані на повноту, ані на досконалість викладу матеріалу. Нині виповнилося 190 років із часу першої публікації як збірки М.Максимовича, так і його передмови. Отож у світлі нашої сучасності ця вступна стаття – *пам'ятка історичної думки*, котра репрезентує погляди українського інтелектуала перших десятиліть XIX ст.

Текст М.Максимовича відтворюється за виданням 1877 р, але за нормами сучасного правопису¹⁸. Збережено виділення заголовними літерами й курсивом

¹⁵ Грушевський М. Сто літ українського народництва // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Примітивна культура та її пережитки на Україні. Соціальна преісторія. Народня творчість в соціологічному освітленню. Науковий щорічник 1927 / За ред. К.Грушевської. – Вип. 1/3. – К., 1928. – С.4; Козак С. Михайло Максимович і формування романтичної думки в Україні // Journal of Ukrainian Studies. – 1984. – Vol.9, №1. – Р.3–32.

¹⁶ [Грушевська К.] Збирання і видавання дум в XIX і в початках XX в. // Українські народні думи. – Т.1 корпусу: тексти №1–13 і вступ К.Грушевської. – [К.], 1927. – С.XIV, XXXV.

¹⁷ Куліш П. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. – 1885. – Т.4, №13. – С.63.

¹⁸ Розвідка М.Максимовича вперше опублікована як вступна стаття до його етнографічної збірки: Малороссийские песни, изданные М.Максимовичем. – Москва, 1827. – С.1–XXXVI. Передруки: Вестник Европы. – 1827. – Ч.155, №15. – С.184–200; Максимович М.А. Собрание сочинений: В 3 т. – Т.2: Отдель: историко-топографический, археологический и этнографический. – К., 1877. – С.439–452; Его же. Киев явился градом великим...: Выбранные украинознавчі твори / Упор. В.Замлинський; авт. прим. І.Бутич; передне слово В.В.Скопенка. – К., 1994. – С.282–292; Максимович М.О. У пошуках омріяної України: Выбранные украинознавчі твори / Упор. і вступ. ст. В.Короткого. – К., 2003. – С.346–356; Максимович М.А. Предисловие к «Малороссийским песням» // Фризман Л.Г., Ляхно С.Н. М.А.Максимович – литератор. – С.339–349; Максимович М. Выбранные твори / Упор. і вст. ст. В.Короткого. – К., 2004. – С.346–356; Його ж. Выбранные твори з історії Київської Русі, Києва і України / Уклад. коротк. біогр. та комент. П.Г.Маркова. – К., 2004. – С.454–465.

окремих слів або частин тексту. Друкарські огріхи виправлено без застережень. До розвідки долучено примітки історіографічного спрямування. Погляди вченого щодо граматики, фонетики, мовознавства не коментуються. На відміну від наших приміток, посилення М.Максимовича позначено астериском (*). Уточнюючі відомості наводяться у квадратних дужках.

Доктор історичних наук, провідний науковий співробітник
Інституту історії України НАНУ О.В.Ясь

Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену *народности*: начинает уже сбываться желание – да создастся поэзия истинно русская! Лучшие наши поэты уже не в основу и образец своих творений поставляют произведения иноплеменные, но только средством к полнейшему развитию самобытной поэзии, которая зачалась на родимой почве, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изредка сквозь них пробивалась.

В сем отношении большое внимание заслуживают памятники, в коих полнее выражалась бы народность: это суть песни, где звучит душа, движимая чувством, и сказки, где отсвечивается фантазия народная. В них часто видим баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились: *сказка – складка, а песня – быль*, говорит пословица. В сем смысле весьма значительны, а потому достойны внимания и уважения были бы разыскания следов народной мифологии, обрядов, собрание песен, пословиц и т. д. Особенно язык совершенствуется исследованиями остатков от прошедшего, в коих он ближе к своему корню, следовательно, чище в составе и крепче в силе. Это можно отнести в особенности к песням славянским, кои видимо отличаются своим *изяществом*. Сие изящество их может послужить ясным доказательством, что поэзия есть врожденное качество духа человеческого, что истинная поэзия может быть *его собственным* произведением^{1*}.

С таким образом мыслей я обратил внимание на сии предметы в Малороссии и на первый раз издаю выбор песен сей страны, полагая, что они будут любопытны и даже во многих отношениях полезны для нашей словесности – будучи совершенно уверен, что они имеют несомненное достоинство и между песнями племен славянских занимают одно из первых мест. Предоставляю другим приводить оные в систему и выводить дальнейшие последствия: изложу вкратце их содержание и характер.

Возникшая подобно комете Малороссия долго тревожила своих соседей, долго перепадала с одной стороны на другую и была только обуреваема бедствиями и беспокойствами, которые не дали развиваться духу народному,

^{1*} В статье г. Бродзинского о народных песнях славян (переведенной в «Вестнике Европы» 1826 года, №13) – много сказано весьма хорошего о сем предмете; он говорит: славяне остаются ныне народом единственным, которого вкус, обычаи и песни – напоминают нам картину Греции древней. Стр.47.

и произвели только внутреннее волнение. Массу ее составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется, азиатцы. Недовольство и отчасти угнетение свели их в одно место; а желание хотя скудной независимости, мстительная жажда набегов и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в набеггах, буйная забывчивость в веселье и беспечная лень в мире: это черты диких азиатов – жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в костюме с его привычками. Таким образом, коренное племя получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким. Свойства коренного племени, кажется, наиболее сохранились между девами и женами, кои, будучи отлучены от удалых казаков своих, в отношении к ним весьма грубых, чуждых всякой домовитости, и не имея никакого участия в общественном быту их, находили все в мирных занятиях домашней, сельской жизни.

Скоропостижное соединение трех первоначальных образов жизни – некогда *наезднической*, буйной, беззаботной, с ленивым однообразием и скудностью жизни *пастушеской* и оседлостью *земледельческой* – вот что составило потом особенность малороссиян, заметную еще и доныне, по причине малолюдности. Из сего очерка может сделаться несколько понятным и содержание, и характер их песен.

Во-первых, представляются песни, содержанием своим имеющие смерть казаков, отъезд их на чужбину, тоску по родине, иль *схватки боевые*; а потом воспоминание об них. Здесь всегда почти находите тоску матери о сыне, или сестры о брате; любовь отцовскую едва ли где встретите. Находите также песни о гайдамаках, столь же удалые, как и самый предмет. Особенно замечательны *думы*^{2*} – героические песнопения о *былинах*, относящихся преимущественно ко временам гетманства Скоропадского. Их и ныне еще поют слепцы-бандуристы, коих можно назвать малороссийскими рапсодами¹⁹.

Восемь таковых дум издал князь Цертелев²⁰ под названием: *Опыт собрания старинных малороссийских песней*²¹.

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу – в особенности Хмельницкому, Палею, Мазепе и другим.

Сказание о частных домашних событиях у казаков составляют переход от дум к повествованиям вымышленным или балладам, каковы напр[имер]: песня о Твардовском, песнь о построении Киева, кои поют также старики бандуристы. Желательно, чтобы кто-нибудь из земляков моих, в Полтавской

^{2*} Малороссийские думы известнее сербских песней. В них гораздо более сладкой меланхолии; в песнях же военных более силы и картин пиитических. *Бродзинский*. Смотри «Вестник Европы». №13. 1826. стр.52.

¹⁹ Рапсоди – давньогрецькі мандрівні співці, котрі виконували епічні пісні під акомпанемент ліри.

²⁰ Микола Андрійович Цертелев (1790–1869 рр.) – етнограф, помічник попечителя Харківського навчального округу. Див. докл.: *Безсонов П.* Кн. Н.А.Цертелев, первый собиратель памятников устного народного творчества (некролог) // Вестник Европы. – 1870. – №6. – С.867–871; *Суздаль М.М.* Микола Цертелев: дослід інтелектуальної біографії: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2015. – 20 с.

²¹ *Цертелев Н.А.* Опыт собрания старинных малороссийских песней. – Санкт-Петербург, 1819. – [8], 64 с.

губернии или близ Киева живущих, поспешил сохранить для словесности сии памятники.

Песни женские, во-первых, суть выражение тоски по родине, от которой были отлучаемы девы обманами казаков; некоторые, как бы повествовательные (каковы: *о Лемеровне, о Бондаровне*), показывают приречения и неистовства, какие терпела действительно Малороссия от каневских и других панов. Песни любовные принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вместе с самым чувством. Они исполнены пылкой страсти. Измены часты: они либо были сносимы с безнадежным отчаянием, либо отмщались чарами, что, следовательно, встречается нередко; вера в чарованья осталась и поныне у женщин. Песни мужчин, где видна нежность чувства любви, принадлежат, кажется, к последующему времени.

К песням женским можно отнести песни *праздничные* и *обрядные*, кои носят на себе иногда печать древней славянской мифологии; но вообще, показывая приверженность к удовольствиям земледельческой и семейственной жизни, представляют собой образцы весьма изящной, естественной идиллии (таковы *веснянки, троицкие, свадебные, на обжинки* и другие песни – смотр[и], книга четвертая). В сем отношении едва ли какая страна может назваться столь *песенною*, как Малороссия: там каждое время года, каждое занятие, к сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными песнями. Сюда же можно причислить и песни *заклинательные*^{3*}, подобные скандинавским.

Наконец, должно сказать, что у них находится очень много песен веселых и карикатурных, иногда весьма забавных, но наиболее таких, при конце коих всегда покраснеет стыдливость и которые большей частью составляют изустную собственность народа, а не принадлежность поэзии. Веселость у них не такова, как в песнях *краковяков*²², – она превращается либо в грубое, либо в непристойное. Их воображение, от досуга или с горя разгулявшееся, не знает себе меры. Сии песни, по веселому, резвому напеву и мерному складу, наиболее суть плясовые, и употребляются не столько, по словам своим, сколько по музыке, часто весьма хорошей, каковы напр[имер] известные: *Метелиця, горлиця, и шумить и гуде*. Есть русская поговорка: *слова из песни не выкидать*; посему и я не помещал их, и для образца предложил несколько: *Била жонка мужика; чи я в мужа не жена*. Должно сказать, однако ж, правду, что многие из них весьма остроумны и забавны, таковы напр[имер]: *мужик каже ячмень, жонка каже – гречка*; или

Танцевала рыба з раком,
А петрушка с пустернаком,
А цибуля с часоком,
А девчина з козаком.
Цибулиця дивуеця,
Як хороше танцюється! и проч.

^{3*} Образцы таковых мне показывал покойный *Зориан Ходаковский*, после коего остался знатный запас для издания малороссийских песен.

²² Польский народный, згодом бальный танец.

Что касается до характера песен малороссийских, то сей вопрос отношу только к тем, в коих видно главное стремление поэзии народной. Я их сравнивать могу в особенности только с русскими, ибо песни прочих племен славянских мне не столько известны.

Форма малороссийских песен, равно как и самый язык, занимают средину между русскими и польскими. С первыми они сходны *тоническим* размером^{4*}, и, следовательно, тем движением, какого не имеют польские. С польскими песнями они (а особливо – нежные) имеют необходимую частую рифму или, по крайней мере, созвучие, звонкие и частые уменьшительные слова, отчего зависят нежность и гармония, которыми они превосходят русские песни.

Существенное их различие, по моему мнению, состоит в следующем. В русских песнях выражается дух, покорный своей судьбе и готово повинующийся велениям. Русский не привык брать деятельного участия в переломах жизни, потому он содружился с природою и любит живописать ее, часто прикрашивая; ибо здесь только может свободно излиться его душа. Он не ищет выразить в песне обстоятельства жизни действительной; но напротив желает, как бы отделиться от всего существующего и, закрыв ухо рукой, хочет, кажется, потеряться в звуке. По сему русские песни отличаются глубокой унылостью, отчаянным забвением, каким-то раздольем и плавной протяженностью^{5*}. В малороссийских меньше такой роскоши^{6*} и протяженности; они, будучи выражением борьбы духа с судьбой, отличаются *порывами* страсти, сжатой твердостью и силой чувства, а равно и естественностью выражения. В них видим не забывчивость и не унылость, но более досаду и тоску; в них больше действия. Сие-то действие отпечаталось и в последующих песнях драматической формой, и князь Цертелев справедливо замечает^{7*}, что в русских превосходнее описательная поэзия, что в них встречаем рассказ сочинителя, между тем как в песнях малороссийских находим драматическое изложение предмета. Сила их много зависит от *лаконизма* самого их языка.

Тоска, которая составляет важнейшее *свойство* малороссийских песней, не прикрывает их, но пронизывает. Она отзывается во всех песнях; даже ирония, к коей весьма склонны малороссыяне, часто смешивается с оной, из чего происходит совсем особенный, отлично хороший род песен.

Образцы таковых элегико-иронических песен помещены в 3 книге моего собрания, напр[имер]: *Летит орел по над морем; ой козаче, козаче! молодой бурлаче: да оре Семен, оре, и проч.*

Песни нежные отличаются неподражаемым простодушием и естественностью, которой нимало не противоречат непрерывные сравнения. Дух, не находя еще в себе особых форм для полного выражения в его глубине зарождающихся чувств, невольно обращается к природе, с которой он, по

^{4*} Песни силлабического размера сложены более для пения бандуристов.

^{5*} Есть сибирская поговорка: *в русской песне парень да девка; а у нас, по которой улице идет, про ту и песенку поет.*

^{6*} Исключая песни обрядные, где часто они сходятся с русскими и другими: почему так – видно из предыдущего.

^{7*} Вестн[ик] Евр[опы] 1827. №12. [С.] 276.

своему младенчеству, еще дружен, и в ее предметах видит, чувствует подобие свое гораздо явственнее и вернее. По сему-то находите столь частые сравнения с окружающей безукрашенной природой, – столь частые беседы с буйным ветром, *дробным* дождем, черными тучами. Унылая, вещая *зозуля*, одинокий явор, плакучие ивы и гибкие лозы, печальная калина, крещатый барвинок^{8*} – сии эмблемы отдельных состояний духа невольно ему напоминают его самого, и он выражается ими как бы потому, что не может иначе^{9*}; когда, напротив, в метафорах русских песен замечаем больше искусственности, некоторого рода произвол и желание прикрас. Если сравнения отрицательные составляют, по мнению гг. *Глаголева*^{10*} и *Гнедича*^{11*}, отличительное свойство народной поэзии русской, то малороссийские будут отличаться положительностью своих сравнений.

Что касается до пения, то у русских гораздо лучше поют мужчины – это как бы их принадлежность; в Малороссии сей способностью, и часто в высокой степени, обладает пол женский.

Самый напев или музыка, если он равно хорош и в русских, и в малороссийских песнях, то, должно признаться, что в последних он несравненно разнообразнее; различие тоже: в малороссийских нет такого раздолья, но сильнее страсть.

Из великого множества в народе обращающихся песен, некоторые были помещаемы более или менее исправно в разных повременных изданиях; в песенниках весьма нередко искаженные, наиболее же против языка. Особого собрания собственно малороссийских песен еще не было. Переходя из уст в уста, они часто лишаются многих стихов, либо оные изменяются; часто песни не допеваются, или даже перемешиваются; таким образом, постепенно отходят от первобытного вида. Нельзя и думать, чтобы можно было восстановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласия, случалось сводить иногда две в одну, либо одну разделять на две; я избирал, как находил сходственнее с правильным смыслом и – сколько понимал – с духом и языком народным^{12*}. На первый раз я не мог более: кто будет иметь случай – соберет больше, искуснейшие – сделают лучше. Я желал показать доселе еще не совсем известные сокровища народной поэзии в настоящем виде; посему соблюдал строгий выбор

^{8*} Любопытно бы знать, как перешло к малороссиянам уважение к *руте* и *шалфею*, кои всегда вместе так часто встречаются в их песнях. Сии две травы имели большую значительность в средние времена, так что про них, по тогдашнему обыкновению, были слагаемы латинские стихи, например:

Non est metus mortis,
Cui est Salvia in hortis

Или:

Salvia cum Ruta
Faciunt tibi pocula tuta.

^{9*} В пример малороссийского изречения, сильного своим бессилием выразиться, можно привести следующее уверение или божбу: *коли я тее або оттее: так нехай мне абы-що, Бог зна що, отцо, а не только що!*

^{10*} О русских народных песнях. Труды общества любителей российской словесности. ч. XI, 1818. стр. 38.

^{11*} Простонародные песни нынешних греков Н. Гнедича. СПб., 1825. стран. XXXIII.

^{12*} Посему-то песни V и VII суть только отрывки, кои поместил я, опасаясь, чтобы они совсем не потерялись в народе.

и помещал песни либо замечательные по красотам пиитическим, либо представляющие образ мысли, быт домашний и пр.

Не везде ставил я знаки ударения, ибо в стихах будут ударения отличаться от обыкновенного выговора. Сия гибкость и свобода слов малороссийских, в отличие от польского языка, составляет не малое достоинство относительно стихосложения. Русский язык сию гибкость имеет еще в большей степени; одно слово принимает ударение часто на всех слогах: зелѣный, зелѣная; зеленѣй, зеленѣя, зѣлены и пр., или:

Полети мой сокѳл
Далекѳ, высокѳ
И далѣко и высоко...

Таким выгодным свойством языка могли бы воспользоваться наши поэты, нимало не погрешая против духа языка. Впрочем при пении, для которого вероятно складывались слова, одиноким протяжением голоса уравниваются слоги различных ударений; между тем как смерянные слоги наших стихов разнятся. Такая гибкость слов и тоническая мера подобно как в русском языке; а рифма, частые (рифмующиеся или, по крайней мере, созвучные) уменьшительные слова и самое даже произношение на распев в простом разговоре, коими малороссийский язык сходен с польским, – показывают, до какой степени простирается его музыкальность. При всем том он способен принимать определенный размер и не в одних песнях плясовых, что также и в русском, а еще чаще в польском встречается; но в больших даже пьесах, как показали г. *Котляревский* в своей *Энеиде*; и сочинитель *Твардовского*²³, столь удачно от начала до конца выдержанного. Песня *За Немень иду* показывает способность малороссийского языка к размерам разнообразным^{13*}.

Наконец скажу несколько слов о правописании, мной изобретенном сообразно свойствам сего языка. В каждом языке есть как бы любимейшие звуки; так в малороссийском звуке И, – и сколько ему приписывают обыкновенно грубость языка, столько в самой вещи он составляет его благозвучие. Сей звук имеет только два изменения: *острое* и *мягкое*.

Об остром И. Буквой ѣ мы изображаем двойной звук ІЕ. В русском языке, который (по свойству северных языков) любит более губные, нежели гортанные звуки, в букве ѣ совсем не слышен звук І: он слился в Е и через то соделал его острым. По сему буква ѣ заменилась бы или просто буквой Е, или, как в польском и сербском, буквами ІЯ.

В малороссийском наоборот: перевес остается на стороне І: звук Е слился в І и чрез то соделал его острым. Посему слова, где в русском пишут ѣ, по всем малороссийским наречиям постоянно произносятся, как острое И. Таким же образом произносится она большей частью и у болгар.

²³ Пан Твардовський – герой польських народних легенд і заснованих на них літературних творів. Очевидно, тут ідеться про баладу А.Міцкевича «Твардовський», перекладену П.Гулаком-Артемовським та опубліковану 1827 р.

^{13*} Исследование о размере и рифмах, какие именно, когда и отчего были вводимы – представляю другим.

Некоторые исключают букву ѣ из малороссийского правописания: но я уверен в противном.

В острое И часто изменяются и прочие гласные буквы, а особливо в словах односложных. Писавшие донныне у нас на малороссийском языке обыкновенно писали так, как выговаривается, напр[имер]: *край мене* – писали *крий мене*; *ячмень* – *ячминь*; *конь* – *кинь*; *век* – *вик*... Г[осподин] Павловский²⁴ выдумал такой способ, чтобы звук И, произносимый остро, писать I, а потверже выговариваемый писать Ъ; твердое Е писать через Е, а мягкое – чрез ѣ.

Ожидаю, что будут многие осуждать меня за отступление; но я совершенно убежден, что не должно так писать, как обыкновенно пишут, но как-нибудь иначе, если не так, как я пишу: предлагаю мой способ и основания оного.

Я хочу удерживать коренные буквы; а в тех случаях, где они выговариваются иначе, отмечать только их особенным знаком; по типографской необходимости я избрал знак ^. Сие делаю, во-первых, потому, что пишу не для одних малороссиян, но и для русских, коим не понятно будет многое, если писать по произношению и не сблизить хотя несколько правописания малороссийского с русским. Притом, нет ни одного языка, где бы произношение букв не имело особенных изменений и особенных примечаний; а я ввожу очень немного. Нельзя читать совершенно так, как по-русски; но неправильно бы было и писать так, как говорим.

Можно бы согласиться было писать по-малороссийски как говорится, если бы во всех изменениях слова постоянно удерживался один и тот же звук; но сего не бывает: именит[ельный] *мѳй конь* (пишут *мий кѳнь*), родитель[ный] *мого коня*, дательн[ый] *моему коню*; именительн[ый] *слѣзы*, родитель[ный] *слѣзь* (пишут *слизь*); *нога* уменьшит[ельно] *нѳжка* (пишут *нижка*) – каким же образом составить лексикон? Пишут одинаково *ниж* – *нож* и *ниж* – *нежели*; но если, удерживая коренную гласную, напишу: *нѳж*, *нѳж* – будет понятнее. Сверх сего гласные буквы не везде в острое И изменяются: *таким* образом собственно применяются они по произношению *перяславскому* или *киевскому* (между Днепром и Сеймом), которое может почесться *центральным*^{14*}, чистейшим и нежнейшим. От Сейма вверх по Десне буквы сии изменяются как бы в звук УИ или ЮИ; *конь*, *соль* – не произносят как в Переяславе чисто *кѳнь*, *сѳль*; но *кунь*, *сюиль*: далее в Литве – *кунь*, *суль*; а по ту сторону Днепра, у русняков: *кѳунь*, *конь*, *кѳунь* (как французское *и*) и чисто *кинь*. Буква И после гласных и ѣ постоянно выговариваются как острое И. Здесь становится виднее удобность моего правописания: пишу *конь*, *сѳль*, *мѳй*; малороссиянин пусть произнесет каждый по-своему; а русских прошу выговаривать по чистому наречию буквы: ѣ, И после гласной, *â*, *ê*, *ô*, *û* – как острое И.

²⁴ Олексій Павлович Павловський (поч. 1770-х – після 1826 рр.) – письменник і мовознавець, автор «Граматики малороссийского наречия, или Грамматического описания существеннейших отличий, отдаливших малорусское наречие от чистого российского языка» (1798 р.).

^{14*} Так и в русском, или, правильнее сказать, великороссийском языке московское – *столичное* произношение.

О мягком или глухом И. Внимательно прислушиваясь к лучшему произношению малороссиян, я заметил, что у них нет столь твердого звука, как в русском Ы. Второе изменение звука И у них бывает мягче и глуше русского Ы, больше гортанью (по свойству языков южных или восточных); следов[ательно] русское Ы у них всегда мягче; а русское И часто делается тверже, но не как Ы, а звуком, средним между русскими И острым и Ы. *Мы, милый, быстрый, долина, Литва, лист*: здесь И, Ы везде произносятся одинаково, глухо. Посему И без значка и Ы должно произноситься одинаково!

Сделаю еще несколько грамматических замечаний, и, во-первых, о глаголах.

1) Неопределенное наклонение, как и в церковном, сербском и богемском языках, кончается собственно на *ти*: *спивати, гуляти*. В страдательном залоге также окончание либо *тися*, либо *ться*; но в сем последнем случае выговаривается твердо, как *цяя*: *сподеватися* и *сподеваться* (произносится *сподеватцяя*)! Так и в третьем лице настоящего времени *тця* выговаривается как *цяя*: *гнецяя* вместо *гнется*, *льющяя* вм[есто] *льются*.

2) Русское окончание *ил* в третьем лице мужеского рода всегда заменяется окончанием *ив*: *ходив, сидив, стояв, взяв*, вместо *ходил, сидел, стоял, взял*.

3) О третьем лице настоящего времени единственного числа заметить должно, что там, где в русском окончание *ит*, в малороссийском всегда Ъ изменяется на Ы, *хóдить, сто́ить, шуми́ть*, а в тех случаях, где в русском глаголе пред Т находится Е (напр[имер] *кличет, идет, свищет, наступает*), в малороссийском удерживается всегда только Е, а Т опускается; следов[ательно] говорится: *кличе, веде, свище, наступае*; а где пред Е стоит А, там часто выпускается Е: *наступае* и *наступа, спевае* и *спева*!

4) Будущее время имеет иногда такие глаголы, кои в русском не употребляются в сем времени, напр[имер] *могу*, в будущем: *могтиму, могтимем*. Также в повелительном, *лягаймо* (ляжем), *ходи́мо* или *ходи́м* (пойдем). Заметим, что в двух последних словах ударение над буквой И, и она выговаривается остро, почему и поставил я значок. Так всегда во втором лице повелительного наклонения: *коси́ть, паси́ть, бери́ть, носи́ть, бежи́шь*. Те же остаются буквы в третьем лице настоящего времени изъявительного наклонения, но ударение уже большей частью над буквой предыдущей, а не над И, которое произносится уже не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто без значка: *хóдить, кóсить*. (В слове, напр[имер] *бежи́ть*, ударение остается над глухим И).

5) Умалются не одни имена, но также глаголы и междометия: *прóчь – прочки; спати – спáтки; ести – естки, есточки; гуляти – гулятки*.

В разных частях речи буквы У и В употребляются одна вместо другой: *взяв* и *узяв, встань* и *устань, вслед* и *услед, внав* и *упав, ужé* и *вже, у лес* и *в лесе*.

Часто В прибавляется к словам: *вóвця, вóвци́* – овца, овцы; *вóн, вони́, вонó* – он, она, оно; *óко, очи́* – во́ко, вóчи.

Окончание *ца* в малороссийском языке всегда бывает *ця*; следов[ательно], и в женском роде множественного числа не на *цы*, но на *ци́*: *отца – отця, молодица – молодиця, молодежи – молодци́ци*. Иногда буква В употребляется вместо Л: *вовк – волк, вóвна – волна* (шерсть).

Часто русские слова от малороссийских отличаются перестановкой букв: *ведьмедь* – *медвидь*, *комлык* – *калмык*, *намисто* – *монисты*, *намастьрь* (как в сербском) – *монастырь*.

Буква *З* и слог *из*, а равно и буква *С*, в начале слов употребляются без разбора, одна вместо другой: *стрáтила*, *зтратила*; *зняв* (снял), *изняв*; *зъев*, *изъев* (съел). Так и предлоги *из* и *с* поставляются без разбора один вместо другого.

В дательном и предложном падежах единственного числа изменяются окончания имен женского рода: *га* на *зе*, *ка* на *це*, *ха* на *се*.

Имен[ительный]	<i>нога</i>	дат[ельный]	<i>нози</i>
»	<i>небога</i>	»	<i>небози</i>
»	<i>чайка</i>	»	<i>чайци</i>
»	<i>дивка</i>	»	<i>дивци</i>
»	<i>сваха</i>	»	<i>сваси</i>

Но в словах мужского рода такие изменения принимает предложный падеж:

Имен[ительный]	порог	предлож[ный]	на порозе
»	луг	»	у лузе
»	байрак	»	в байраце
»	горох	»	у горосе

Вот некоторые изменения местоимений:

Им[енительный]	<i>я, ты, вѣн, вонá, мѡй, моя</i>
Род[ительный]	<i>мене, тебе, его, ей, мого, моего</i>
Дат[ельный]	<i>мине, тебе, ему, ѡй, мому, моѡй</i>
Вин[ительный]	<i>мене, тебе, его, ее, мого, мою</i>

В грамматике г. *Павловского* изложены некоторые свойства языка малороссийского, подслушанные довольно чутко; но полной грамматики донныне еще не находится, хотя можно бы открыть постоянные законы, употреблением и местностями затемненные. Во многих свойствах малороссийский язык ближе великороссийского и польского к прочим языкам славянского корня, так что его можно почитать действительно средним в системе сих наречий, как и самое положение страны, где говорят сим языком.

При конце книги я приложил словарь^{15*} и некоторые особенные примечания к песням, стараясь тем облегчить уразумение оных, сколько мне позволило

^{15*} Приводя слова других славянских языков, я имел в виду показание, в каких еще языках повторялись слова малороссийские, а не с какого языка перешли они в малороссийский: сие требует занятия людей более опытных.

время. Варианты, коих у меня собрано довольно большое количество, могут быть изданы после.

В заключение долгом почитаю изъявить мою благодарность *Елизавете Михайловне Богаевской*, князю *Н.А.Цертелеву* и другим особам, кои оказали мне пособие доставлением песен и своими советами.

1827. Апреля 20
Москва

In the introductory article by M. Maksymovych to the ethnographic collection of 1827 highlighted the role of the Ukrainian song tradition in revealing the folk/national spirit, in particular for understanding the past. In the light of the concepts of early romanticism, the article examines the spiritual, cultural and artistic-aesthetic purpose of the popular word. Author defended the thesis that songs and dumas represent the most varied historical and cultural displays of national life.

Keywords: *romanticism, Schellingianism, narodniks, Ukrainian historiography, ethnographic practices, folk songs, dumas, Maksymovych.*

